

Сергей Патрушев

Невидимка

Сергей Патрушев

Невидимка

<https://litres.ru/74000474>

SelfPub; 2026

Аннотация

Глебу двадцать, и он давно смирился с тем, что его никто не видит. Не в переносном, а в самом прямом смысле: его взгляда избегают, его имени не помнят, его присутствия не замечают.

Он — пустое место, обычный парень без особых примет, чья жизнь превратилась в бесконечное наблюдение за чужим счастьем. Каждый вечер он приходит в городской парк и садится на дальнюю скамейку, чтобы смотреть, как под фонарями целуются влюбленные, как смеются пары, как мир дышит любовью, для которой он не был создан. Он не завидует. Он даже не надеется. Он просто существует — тихо, бесцветно, на грани исчезновения.

Но однажды чужая свадьба и случайный взгляд незнакомки разбивают его внутреннюю броню. То, что годами копилось внутри — боль, тоска, отчаяние быть навсегда забытым, — вырывается наружу. И когда кажется, что тьма уже поглотила его целиком, судьба протягивает ему руку. Вот только готов ли Глеб за нее ухватиться?

Сергей Патрушев

Невидимка

Глава 1. Невидимка

Глеб существовал в мире, который его упорно не замечал. Это не было громкой трагедией, не было результатом какой-то страшной ошибки или дурной славы. Просто так вышло. Ему исполнилось двадцать, и за эти два десятка лет он словно бы приобрел особую, редкую форму прозрачности. Он был самым обычным молодым человеком, настолько обычным, что это стало его главной, всепоглощающей чертой. Средний рост, русые волосы, которые он стриг не слишком коротко и не слишком длинно, серые глаза, спокойные и невыразительные. Он не был ни худым, ни толстым, одевался в то, что покупала мама в ближайшем торговом центре, в отделе, где музыка играла чуть тише, а манекены выглядели безлико и приветливо. Его лицо было тем лицом, которое забывают сразу после того, как отведут взгляд. Он был как стул в углу комнаты — на него не обращают внимания, пока он не понадобится, но Глеб был никому и никогда не нужен.

Он чувствовал это везде. В университетской аудитории, где одноклассники, сбиваясь в шумные стайки, обсуждали прошедшие выходные, будущие вечеринки, взаимные обиды

и влюбленности. Глеб сидел за своей партой, обычно у окна, и смотрел, как дождь рисует на стекле извилистые дорожки. Он мог бы подойти, вставил бы какую-нибудь фразу, но каждый раз язык прилипал к нёбу, а ноги наливались свинцом. Да и что он мог им сказать? Что он смотрел вечером по телевизору? Что помогал отцу чинить полку в кладовке? Его жизнь была лишена тех острых граней, о которые так любят точить языки молодые люди. В его жизни не было ни драм, ни побед, ни поражений. Она была ровной, как линия на кардиомониторе, фиксирующая не жизнь, а лишь ее монотонное, унылое присутствие. Его не приглашали на общие посиделки, ему не писали в мессенджерах, кроме как по учебной необходимости. Его имя в списке контактов у однокурсников, наверное, было подписано просто: «Глеб, группа 302». И то, если они вообще удосужились его записать.

Его мир сузился до размеров квартиры и дороги до университета, но самым главным его прибежищем и, одновременно, местом самой острой боли был городской парк. Он приходил туда, когда сумерки начинали сгущаться, а фонари зажигались мягким, оранжевым светом, создавая под кронами деревьев островки уютного мерцания. В это время парк наполнялся парами. Они текли по аллеям, как две половинки единого целого, держась за руки, смеясь каким-то своим, только им понятным шуткам. Они сидели на скамейках, тесно прижавшись друг к другу, и их силуэты, подсвеченные

далекими огнями, казались Глебу воплощением абсолютно-го, недостижимого совершенства. Девушки клали головы парням на плечо, парни нежно поправляли пряди волос у своих спутниц. В воздухе витал сладкий, тягучий аромат цветущих лип и чужого счастья.

Глеб же был одиноким атомом, блуждающим в этом молекулярном потоке. У него был свой маршрут. Он начинал от главных ворот, шел мимо старого фонтана, который уже отключили на ночь, и его пустая чаша, выложенная потрескавшейся плиткой, выглядела как заброшенный бассейн чьих-то несбывшихся надежд. Затем он сворачивал на боковую аллею, менее людную, где фонари стояли реже, а тени от вязов были гуще и чернее. Его шаги, неторопливые и тихие, отбивали ритм, который накладывался на музыку в его наушниках. Он всегда слушал что-то меланхоличное, инструментальное, без слов. Слова были лишними. Мелодии пианино или виолончели говорили о его одиночестве лучше, чем он сам мог бы сформулировать. Они были его внутренним голосом, озвучивали ту тупую, ноющую пустоту, что поселилась под сердцем и никуда не уходила.

На одной из таких аллей стояла его скамейка. Она была старая, деревянная, с облупившейся зеленой краской. Никто на нее не садился — она стояла в самой тени, в отдалении от романтического освещения. Глеб садился на ее жесткие,

холодные доски и просто смотрел. Он наблюдал за парочкой, которая кормила уток в пруду. Девушка, звонко смеясь, крошила хлеб, а парень обнимал ее за талию и что-то шептал на ухо, отчего она смеялась еще громче. Глеб смотрел на другую пару, сидящую напротив, прямо под фонарем. Они ели мороженое из одного стаканчика, по очереди зачерпывая маленькой пластиковой ложечкой, и их глаза сияли ярче звезд, которые робко проступали на светлеющем небе. Глеб пытался представить, каково это — быть одним из них. Не просто механически повторять действия, но чувствовать то же самое. Чувствовать тепло чужой руки в своей, слышать биение чужого сердца так же отчетливо, как свое. Он пытался вообразить, как поворачивает голову, видит рядом улыбающееся лицо, тянется за поцелуем... Но воображение буксовало, картинка рассыпалась. На том месте, где должен был быть другой человек, зияла черная дыра. Пустота.

Он смотрел на счастливых людей без зависти, скорее с каким-то глухим недоумением, как смотрит слепой от рождения на описание заката. Он знал теорию. Он читал книги, смотрел фильмы, он прекрасно понимал социальные и биологические механизмы близости. Но на практике это оставалось для него за семью печатями. Как они это делают? Как находят друг друга в этом огромном, шумном городе? Как решаются подойти, заговорить? Что говорят? Для него это была магия, к которой он не имел никакого отношения. Он

— магл, случайно попавший в Хогвартс чужих отношений, и вынужденный вечно наблюдать за волшебством, не в силах его повторить.

Иногда на него накатывало странное, болезненное чувство узнавания. Ему казалось, что он видит сценарий своей будущей жизни. Вот он, тот же парк, та же скамейка, только ему уже не двадцать, а сорок. Потом пятьдесят. Он видит себя, ссутулившегося, в том же старом пальто, с тем же ничего не выражающим лицом, на которое время наложило свою печать усталости и смирения. И рядом по-прежнему никого. Эта мысль обжигала холодом. Она не вызывала бунта, только все ту же, знакомую до боли тоску. У него не было планов на будущее, потому что любое будущее предполагало хоть какой-то вектор, направление. Его же жизнь была стоячим болотом. Тихим омутом без малейшей ряби. Все, что у него было — это бесконечное, как зацикленная пластинка, настоящее. Дом, университет, парк, сон. И так каждый день, с понедельника по воскресенье, из месяца в месяц.

Он пытался понять, в чем причина. Часами, лежа ночью в постели и глядя в потолок, он анатомировал себя, словно любопытный, но равнодушный хирург. Характер? Он не был скандальным, не был грубым. Наоборот, всегда старался быть вежливым, тихим, чтобы никому не мешать, не доставлять неудобств своим существованием. Может, в этом и

дело? Может, его стремление быть незаметным достигло такого совершенства, что он перестал существовать для окружающих? Внешность? Но он не был уродом. Обычное лицо. Зеркало каждое утро бесстрастно подтверждало: «Глаза, нос, рот. Все на месте. Ты — человек. Функционируй». Но в его лице не было изюминки, той самой яркой или милой неправильности, которая цепляет взгляд. Он был как чистый лист, на котором ничего не написано. И ни у кого не возникало желания взять в руки ручку.

Сегодняшний вечер не был исключением. Глеб сидел на своей скамейке, засунув руки в карманы легкой ветровки. Весенний воздух был обманчив: днем солнце пригревало почти по-летнему, но с наступлением темноты земля отдавала накопленный холод, и становилось зябко. Он не обращал на это внимания. Его взгляд был прикован к новой паре, которая возникла на аллее, словно мираж. Они были, пожалуй, его ровесниками. Парень, высокий, спортивный, с модной стрижкой, и девушка, хрупкая блондинка в светлом плаще. Они остановились прямо под фонарем, и в его свете были видны каждая деталь их одежды, каждое выражение лица. Парень что-то увлеченно рассказывал, активно жестикулируя, а девушка смотрела на него снизу вверх, и на ее губах играла та самая, неповторимая улыбка — смесь нежности, восхищения и предвкушения. Она поправила воротник его куртки, и это простое, интимное движение пронзило Глеба

острее ножа. В нем было столько собственнической заботы, столько непринужденной близости, что у него перехватило дыхание.

Он представил, что на месте этого парня — он. Что это к нему тянется эта рука, что ему дарят эту улыбку. Он закрыл глаза и попытался вызвать тактильное ощущение легкого прикосновения пальцев к своей шее. Но ничего не вышло. Внутренний холод погасил любой намек на фантомное тепло. Когда он открыл глаза, пара уже целовалась. Это не был мимолетный поцелуй в щеку. Это был долгий, глубокий поцелуй, в котором двое словно пытались раствориться друг в друге, забыв обо всем мире. Весь мир, кроме Глеба, который смотрел на них, не в силах отвести взгляд, чувствуя себя вуайеристом, подглядывающим за чудом. Он чувствовал себя лишним, инородным телом в этом совершенном, гармоничном пейзаже.

Он резко встал. Деревянная скамейка жалобно скрипнула, словно протестуя против его резкого движения. Он не мог больше на это смотреть. Не сегодня. Бывают дни, когда привычная броня дает трещину, и боль становится невыносимой. Сегодня был именно такой день. Он быстрым шагом пошел прочь, вглубь парка, туда, где не было фонарей, где не гуляли парочки, где царила первозданная, сырая тьма. Ветки кустов царапали его куртку, влажная трава хлестала по

джинсам, но он шел, не разбирая дороги. Ему хотелось убежать от этой демонстрации чужого счастья, спрятаться, забиться в самую глубокую нору илизать несуществующие раны. Он ненавидел парк в этот момент. Ненавидел его красоту, его фонари, его уток, его уютные скамейки. Все это было декорацией для пьесы, в которой у него не было ни роли, ни даже эпизодического выхода. Он был зрителем, заплатившим за билет своим одиночеством и обреченным смотреть одно и то же представление изо дня в день.

В глубине парка, куда редко заходили даже собачники, у старого, заросшего ряской пруда, Глеб наконец остановился. Здесь было тихо. Так тихо, что звон в ушах казался громче всех звуков мира. Пахло тиной, сырой землей и прелыми прошлогодними листьями. Он подошел к воде и посмотрел на ее черную, маслянистую поверхность. Она ничего не отражала, только поглощала свет. Идеальное зеркало его души. Глеб поднял камешек и бросил его в воду. Раздался тихий всплеск, круги разошлись во все стороны и быстро угасли. Никакого эффекта. Полная, абсолютная тишина в ответ.

Он стоял так долго, пока холод окончательно не пробрал его до костей. Одиночество стало физическим ощущением. Это была не просто эмоция, не просто социальный статус. Это была болезнь, сидящая в каждой его клетке. Это был холод в животе, тяжесть в плечах, тупая боль за глазами. Ино-

гда он думал, что сошел с ума. Потому что нормальный человек на его месте что-то бы предпринял. Пошел бы в спортзал, записался бы на курсы, хотя бы зарегистрировался на сайте знакомств. Но Глеб не делал ничего. Он не верил в результат. Вернее, он верил в неизбежность провала. Какой смысл пытаться, если финал известен заранее? Он снова увидит это вежливо-равнодушное выражение на лице собеседника, этот взгляд, скользящий сквозь него, как сквозь пустое место. Он больше не хотел этого подтверждения своей невидимости.

Он развернулся и медленно побрел к выходу из парка. Нужно было возвращаться домой, в свою комнату, к своему компьютеру и книгам. Там, в виртуальном мире или мире вымышленных историй, он мог хотя бы на время забыться, примерить на себя чужую жизнь, полную событий и эмоций. Квартира встретила его привычной тишиной. Родители уже спали. Он на цыпочках прошел на кухню, налил себе холодного чая, стараясь не греметь посудой. В своей комнате он не стал включать большой свет, только настольную лампу, создав интимный полумрак. Сел на кровать, уставившись в одну точку на обоях. Все было на своих местах, все повторялось. Завтра он проснется, поедет в университет, будет сидеть у окна, вернется домой, сделает вид, что учит уроки, а вечером снова пойдет в парк. И так будет всегда.

Эта мысль не напугала его, а принесла странное, извра-

ценное успокоение. В этом вечном повторении была своя, пугающая стабильность. Его одиночество было его тюрьмой, но оно же было и его убежищем. Единственной константой в мире, который не хотел его признавать. И Глеб, обычный парень двадцати лет, средний по всем параметрам, принял это как должное. Он выключил лампу, и тьма окончательно поглотила комнату, растворив в себе и его, и его неизменную скамейку в парке, и несбывшееся счастье, которое он видел только со стороны. Тишина стала осязаемой, плотной, как вата, и в этой тишине он начал проваливаться в сон — единственное место, где он не чувствовал себя одиноким, потому что не чувствовал ничего вообще.

Глава 2. Трещина

Он не помнил, как дошел до дома. Ноги сами несли его по выученному наизусть маршруту — мимо закрытого газетного киоска, через пустой перекресток, вдоль серой девятиэтажки с облупившейся штукатуркой. В голове не было ни единой связной мысли, только короткое замыкание, искрящий контакт, который бился где-то в глубине сознания. Картинка стояла перед глазами, выжженная, как на испорченном мониторе. Они. Те двое. Под фонарем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.